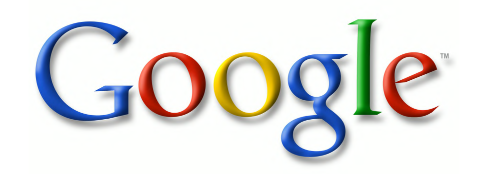

Н. А. Гредескулъ,
профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета.

МАРКСИЗМЪ и ИДЕАЛИЗМЪ.

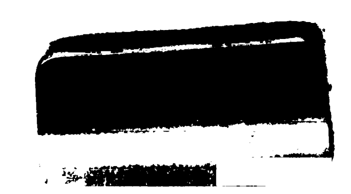
ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ.

Изданіе второе.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА
П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.
1905.

N. a. Gredeskul.

Н. А. Гредескулъ,

профессоръ ~~Императорскаго~~ Харьковскаго университета.

МАРКСИЗМЪ и ИДЕАЛИЗМЪ.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ.

Изданіе второе.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

П. А. Брейтигама въ Харьковѣ.

1905.

Дозволено цензурою. Москва, 26 марта 1905 года.

ТИПО-ЛИТ. Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К-о МОСКВА.

I.

Еще очень недавно, всего 3—4 года тому назадъ, передовой и юною частью русскаго общества всецѣло владѣлъ марксизмъ или, такъ называемый, экономическій матеріализмъ. Марксизмъ налетѣлъ на наше общество, какъ какой-то шквалъ, и распространился въ немъ съ быстротою самой заразительной болѣзни, сопровождаясь сильно повышенной температурой, бурными лихорадочными приступами, иногда даже настоящимъ бредомъ. Людямъ моего поколѣнія, выросшимъ и воспитавшимся въ нѣсколько иной идейной атмосферѣ, приходилось поистинѣ изумляться, *почему* это идейное повѣтріе получило такую внезапную силу и *въ чемъ именно* лежало его заразительное для умовъ начало? Признаюсь, для меня и теперь не ясно, почему именно это ученіе, а не какое-либо другое, пріобрѣло силу эпидеміи среди русскаго общества и русской молодежи. Очевидно, тутъ дѣло не столько въ свойствахъ ученія, сколько въ какихъ-то законахъ коллективной психологіи, выдвигающей на сцену опредѣленные умственные запросы и дающей мѣсто ихъ извѣстному идейному удовлетворенію. Этотъ послѣдній выводъ хорошо подтверждается и той неожиданной судьбой, какую марксизмъ претерпѣваетъ у насъ въ настоящее время. Какъ быстро онъ нахлынулъ, такъ же быстро сталъ теперь сбывать, уступая мѣсто совершенно инымъ, прямо противоположнымъ теченіямъ. На мѣсто „марксизма“ и „матеріализма“ теперь въ тѣхъ же умахъ и въ тѣхъ же сердцахъ водворяется „идеализмъ“, ученія о суве-

ренитетѣ духа, объ абсолютномъ значеніи личности, и пр. и пр., о чемъ раньше не хотѣли и слушать. Мы теперь уже не въ матеріалистической, а въ идеалистической волнѣ,—на первое мѣсто мы ставимъ теперь уже не „экономическій факторъ“, а идеальныя стремленія самочинной и самоцѣльной человѣческой личности. Я не знаю, можетъ быть, и эта „идеалистическая“ волна схлынетъ съ насъ такъ же быстро, какъ и марксистская, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что центръ вниманія русскаго общества въ настоящее время передвинулся и теперь стоитъ какъ разъ на „идеализмѣ“. А если такъ, то теперь, значитъ, время объ идеализмѣ и рѣчь вести,—значитъ, теперь, до извѣстной степени, праздникъ на улицѣ тѣхъ, кто и раньше не испытывалъ большого удовольствія отъ затопленія умственнаго горизонта внезапно поднявшейся марксистской волной.

Впрочемъ, долженъ напередъ замѣтить, что я вовсе не имѣю въ виду вести предстоящую намъ бесѣду въ полемическомъ тонѣ и съ своей стороны обострять получившееся столкновеніе различныхъ взглядовъ на міръ и на человѣческую жизнь. Правда, мои личныя симпатіи лежатъ на сторонѣ того міровоззрѣнія, которое именуется „идеалистическимъ“, я никогда не былъ приверженцемъ марксизма и всегда считалъ, что истиннымъ движущимъ началомъ исторіи является „психизмъ“, а не „экономизмъ“, но все же я хотѣлъ бы здѣсь вмѣстѣ съ вами не столько „спорить“, сколько вникать, — не столько воевать уже готовыми формулами, сколько взвѣшивать и оцѣнивать тѣ элементы, изъ которыхъ эти формулы построяются. Я прошу у васъ и предлагаю вамъ минуту размышленія надъ тѣми вопросами, которые теперь выдвинуты на первый планъ фактомъ смѣны одного міросозерцанія другимъ.

Что такое марксизмъ — это хорошо извѣстно въ самыхъ широкихъ кругахъ. Я здѣсь только освѣжу въ

вашей памяти нѣкоторыя его основныя положенія. Марксизмъ, какъ общее и философское міровоззрѣніе, какъ особый взглядъ на человѣческую жизнь и исторію, возникъ потому, что основатель его Марксъ, будучи первоклассным изслѣдователемъ въ области хозяйственныхъ явленій и построяя свои чисто-экономическія ученія, высказалъ нѣсколько положеній, далеко выходившихъ за предѣлы одной экономической науки. Предметъ своихъ спеціальныхъ занятій — экономическую дѣятельность людей, экономическую структуру обществъ,—словомъ, то, что собирательно и совокупно именуется „экономическимъ факторомъ", онъ противопоставилъ всѣмъ остальнымъ сторонамъ человѣческой и общественной жизни — наукѣ, морали, праву, религіи, искусству, государству, т.-е. такъ называемымъ „идейнымъ" факторамъ исторіи, и высказалъ свое знаменитое положеніе о томъ, что въ основѣ историческаго движенія человѣчества лежитъ именно „экономическій" факторъ, а все остальное есть не болѣе какъ „надстройка" надъ экономикой, не играющая существенной роли и сама всецѣло опредѣляемая основнымъ двигателемъ.

Если бы эта мысль Маркса была выражена имъ въ извѣстныхъ ограниченныхъ предѣлахъ, то съ ней почти что можно было бы согласиться: такъ много содержится въ ней справедливаго. Исторія есть человѣческая дѣятельность. Но чѣмъ стимулируется человѣческая дѣятельность? Хотя и сказано—и сказано справедливо—что не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ, — тѣмъ не менѣе добываніе хлѣба насущнаго, для огромнаго большинства человѣчества, было и все еще остается главнымъ стимуломъ жизнедѣятельности. „Голодъ", какъ таковой, и какъ символъ всѣхъ остальныхъ потребностей, безъ удовлетворенія которыхъ человѣкъ не можетъ поддерживать своего животнаго существованія, есть тотъ дѣятель, который игралъ и играетъ въ чело-

вѣческой жизни огромную роль. Забота о пропитанiи, одеждѣ, жилищѣ и пр. — вотъ ежедневная и главная забота человѣческихъ массъ, а если только это вѣрно, то, конечно, мы должны будемъ согласиться, что и та дѣятельность, которая вытекаетъ изъ этой заботы вмѣстѣ съ организующей ее „структурой", т.-е. то, что именуется „экономическимъ факторомъ", играло и играетъ въ исторiи первостепенную роль. Съ этой точки зрѣнiя „экономическiй" взглядъ на исторiю надо поставить безконечно выше тѣхъ системъ, которыя излагаютъ исторiю какъ цѣпь политическихъ событiй или даже какъ смѣну политическихъ формъ. Внесенiе этого взгляда въ философiю исторiи есть несомнѣнная и крупная заслуга Маркса, и нечего удивляться тому, что нашлись историки, которые пытались объяснять и излагать исторiю съ точки зрѣнiя преобладающей роли въ ней экономическаго фактора (напр., Лампрехтъ).

Итакъ, можно и должно согласиться съ важностью и даже съ первостепенной важностью экономическаго фактора въ исторiи человѣчества.

Однако Марксъ не ограничился тѣмъ, чтобы только отмѣтить эту важность. Сопоставивъ экономическiй факторъ съ „идейными", онъ, какъ мы уже сказали, призналъ полную *зависимость* вторыхъ отъ перваго. „Способомъ производства матерiальной жизни обусловливается соцiальный, политическiй и духовный процессъ жизни", говорилъ онъ еще въ предисловiи къ „Zur Kritik der Politischen Oekonomie".

Но и на этомъ утвержденiи не остановилась увлеченная экономическимъ факторомъ мысль Маркса: онъ шагнулъ изъ философiи исторiи въ философiю вообще и выставилъ положенiе, которое заставило характеризовать его систему какъ *матерiалистическую*, дало ей имя такъ называемаго экономическаго или историческаго *матерiализма*. Вслѣдъ за приведенной уже нами цитатой, въ томъ же предисловiи къ „Zur Kritik", онъ

говоритъ: „Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а, наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе“. Вотъ это и есть формула такъ называемаго матеріалистическаго воззрѣнія на исторію, родоначальникомъ котораго является Карлъ Марксъ.

Подняться отъ частныхъ фактовъ къ общимъ положеніямъ и дать этимъ послѣднимъ высшее философское обоснованіе—это перспектива, всегда заманчивая для крупнаго ума, въ какой бы области онъ ни работалъ. И если Марксъ не удержался въ границахъ чистой экономической науки, если онъ поднялся до общаго взгляда на исторію, а этотъ послѣдній обосновалъ на всеобъемлющемъ философскомъ положеніи, то все это служитъ только лучшимъ доказательствомъ того, что онъ былъ не только первокласснымъ экономистомъ, но и выдающимся мыслителемъ. Но, отдавая должную дань размѣрамъ и заслугамъ этой головы, мы все же не можемъ согласиться съ его философіей.

Дѣйствительно ли бытіе опредѣляетъ собою сознаніе? Дѣйствительно ли психика человѣческая и даже животная формуется внѣшнимъ бытіемъ, а не наоборотъ—не она формуетъ это внѣшнее бытіе и приспособляетъ его къ своимъ требованіямъ? Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній замѣтимъ, что мы ставимъ здѣсь вопросъ не о *вліяніи* внѣшняго бытія на сознаніе и даже не о *зависимости* послѣдняго отъ перваго, а о самомъ процессѣ образованія и движенія сознанія, и о томъ, самому ли сознанію, или бытію принадлежитъ здѣсь *активная* роль.

Несомнѣнно, что сознаніе находится въ большой зависимости отъ внѣшняго бытія, что оно, съ одной стороны, имъ стимулируется, а, съ другой—въ немъ же находитъ условія и границы для своей дѣятельности; но когда сознаніе такъ или иначе, подъ тѣми или иными вліяніями, образуется, опредѣляется, то—мы спрашиваемъ—есть ли это *самоопредѣленіе,* или опредѣле-

ніе *извнѣ?* На этотъ основной вопросъ жизни духа мы должны дать отвѣтъ, какъ разъ обратный отвѣту Маркса: это есть всегда самоопредѣленіе, трансформація духа, въ которой движущимъ началомъ является самъ же духъ, ибо природа его активная, а не пассивная. Психологи говорятъ намъ, что въ основѣ нашего духа лежитъ *воля*, т.-е. активное начало, психическая энергія, непрерывно дѣйствующая для достиженія своихъ цѣлей, Willen zum Leben (воля къ жизни), по выраженію Шопенгауэра. Эта воля всегда бодрствуетъ и всегда дѣйствуетъ, — среди извѣстной внѣшней обстановки, подъ вліяніемъ и даже давленіемъ различныхъ стимуловъ,—но всегда самоопредѣляясь по своему внутреннему закону, въ согласіи со своей внутренней природой, для удовлетворенія своихъ внутреннихъ жизненныхъ цѣлей. И поэтому нѣтъ возможности считать сознаніе, какъ что-то пассивное, простымъ продуктомъ внѣшняго бытія, — нѣтъ, оно не продуктъ, а агентъ, и потому само въ себѣ несетъ главную причину своего движенія и своего преобразованія. И если ужъ противополагать сознаніе внѣшнему бытію, то приходится сказать—насколько мы можемъ судить объ этомъ своимъ человѣческимъ разумомъ—что, наоборотъ, внѣшнее бытіе, какъ нѣчто пассивное, или по крайней мѣрѣ менѣе активное, поддается воздѣйствію человѣческой и животной воли, формуется и опредѣляется послѣдней. Жизнь вовсе не есть, какъ это сказалъ Спенсеръ, только приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, но и наоборотъ,—внѣшнихъ отношеній къ внутреннимъ, и чѣмъ дальше, чѣмъ сильнѣе и активнѣе становится духъ, тѣмъ покорнѣе склоняется предъ нимъ внѣшнее бытіе; тамъ же, гдѣ громоздкая инерція внѣшняго бытія оказывается не подъ силу духу, гдѣ она давитъ послѣдній и хочетъ заставить его самого покориться силѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, тамъ гордый духъ предпочитаетъ, по выраженію Ницше,

„свободно умереть“, но все же не отказаться отъ своего собственнаго самоопредѣленія!

Итакъ, мы отвергаемъ основное философское положеніе Маркса, мы „сознаніе“ считаемъ преобладающимъ надъ „бытіемъ“, а не наоборотъ. Этимъ самымъ мы отвергаемъ въ корнѣ матеріалистическое воззрѣніе на исторію. Для насъ исторія есть арена дѣятельности духа, а не матеріи.

Однако, кажется, полезнѣе, опровергая экономическій матеріализмъ, колебать его не столько на самой его философской высотѣ, сколько значительно ниже,—именно тамъ, гдѣ онъ говоритъ объ экономическомъ факторѣ. Мы уже согласились признать всю важность экономическаго фактора, но отказались приписывать ему роль *primum agens* всего того, что дѣлается въ исторіи. Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на этомъ пунктѣ.

Какова природа самого экономическаго фактора,—есть ли это факторъ *матеріальный*, или *идейный?*

Послѣдователи экономическаго матеріализма, безъ всякой критики и даже, повидимому, безъ всякихъ затрудненій рѣшаютъ этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, а, между тѣмъ, это совершенно невѣрно: экономическій факторъ есть такой же *идейный* факторъ исторіи, какъ и государство, право, наука, религія, искусство и пр. Въ самомъ дѣлѣ, вглядимся поближе въ то, что именуется „экономическимъ факторомъ“. „Экономическій факторъ“ возникаетъ потому, что у человѣка есть „потребности“; дѣйствіе его сказывается въ томъ, что, усиливаясь удовлетворить свои потребности, человѣкъ воздѣйствуетъ на внѣшнюю природу и приспособляетъ ее къ своимъ нуждамъ, вырабатывая постепенно способы цѣлесообразнаго воздѣйствія, создавая технику и умѣнье. Результатомъ воздѣйствія человѣка на внѣшнюю природу изъ-за удовлетворенія его потребностей оказывается цѣлый рядъ матеріальныхъ перемѣнъ во

внѣшнемъ мірѣ, которыя заставляютъ этотъ міръ лучше служить человѣку. Наконецъ, такъ какъ человѣкъ живетъ обществомъ и въ обществѣ, то и удовлетвореніе имъ своихъ потребностей принимаетъ характеръ общественнаго процесса; этотъ общественный процессъ, какъ таковой, требуетъ дополнительныхъ измѣненій какъ въ поведеніи однообщественниковъ, такъ и въ ихъ характерахъ, а когда эти дополнительныя измѣненія даны и выработаны, то этотъ общественный процессъ принимаетъ характеръ грандіозной коопераціи, способной могущественно вторгаться во внѣшній міръ и производить въ немъ такія измѣненія, которыя даютъ уже въ стократъ лучшее удовлетвореніе человѣческимъ потребностямъ, чѣмъ если бы экономическій процессъ велся каждымъ въ одиночку. Въ обществѣ получаются такимъ образомъ „производственныя отношенія“, т.-е. отношенія однообщественниковъ по поводу производства, и экономическая „структура“ общества.

Дали ли мы правильное описаніе „экономическаго фактора“? А если оно правильно, то неужели это факторъ матеріальный, а не психическій? Развѣ весь онъ не есть только сложное и длящееся усиліе человѣческаго духа приспособить внѣшній міръ къ своимъ внутреннимъ требованіямъ? И если даже подъ этимъ факторомъ разумѣть не только участіе психики—воздѣйствіе человѣка на внѣшній міръ, но и участіе внѣшняго міра, т.-е. тѣ матеріальныя измѣненія, которыя въ немъ при этомъ происходятъ, то развѣ внѣшній міръ, матерія, не является здѣсь только точкой приложенія дѣйствія человѣческой психики, только простымъ и пассивнымъ объектомъ? Правда, когда человѣкъ или общество уже достигли извѣстныхъ экономическихъ результатовъ,—напр., обработали почву, накопили запасы продуктовъ, построили жилища, изобрѣли технику и пустили ее въ ходъ въ видѣ фабрикъ и заводовъ,—то это оказываетъ огромное обратное вліяніе и

на человѣческую психику, даетъ ей иные стимулы и иную обстановку для дѣятельности; но развѣ среди всей этой „мертвой“ обстановки „живымъ“ дѣятелемъ, какъ и съ самаго начала, является не тотъ же человѣческій духъ? Развѣ отъ того, что „обстановка“ для удовлетворенія потребностей измѣняется, самый процессъ ихъ удовлетворенія перестаетъ быть попрежнему усиліемъ психики достигнуть желаемыхъ ею результатовъ? При безпристрастномъ взглядѣ на дѣло, просто недоумѣваешь, какъ можно было въ этомъ взаимодѣйствіи человѣческой психики и внѣшняго матеріальнаго міра видѣть торжество и преобладаніе матеріи. Нигдѣ, можетъ быть, человѣческій духъ такъ наглядно и очевидно не торжествуетъ надъ матеріей, какъ именно въ хозяйственныхъ процессахъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ матерію дѣлаетъ своей послушной рабой. Когда мы смотримъ на птичье гнѣздо или муравьиную постройку, то намъ и въ голову не приходитъ видѣть въ нихъ торжество матеріи или матеріальный факторъ, хотя предъ нашими глазами и чисто матеріальные предметы. Но мы заглядываемъ дальше, за эти матеріальные предметы, и усматриваемъ то, что ихъ создало, — психическій факторъ, животный инстинктъ, — и мы удивляемся въ нихъ торжеству инстинкта. Почему же мы должны измѣнить эту точку зрѣнія при взглядѣ на человѣческій муравейникъ и его экономику? Развѣ эта экономика не представляетъ собою также продуктъ и торжество психики, но только уже не инстинктивной, а сознательной? Мы думаемъ, что иной взглядъ на этотъ предметъ совершенно невозможенъ, и признавать экономическій факторъ исторіи матеріальнымъ, а не психическимъ было бы столь же неосновательно, какъ и усматривать въ птичьемъ гнѣздѣ проявленіе и дѣйствіе матеріи, а не животнаго инстинкта.

Но если только признать экономическій факторъ пси-

хическимъ, а не матеріальнымъ, то дуализмъ изъ исторіи совершенно устраняется,—она вся становится ареною дѣйствія и проявленія психизма,—всѣ ея факторы: экономика, право, государство, наука, религія, искусство, оказываются факторами одной и той же природы,—и на мѣсто матеріализма въ объясненіи исторіи становится всецѣло и безъ остатка *психизмъ*.

Но замѣчательно: отвергши матеріалистическое воззрѣніе на исторію и поставивши на его мѣсто воззрѣніе, прямо ему противоположное—психологическое, мы вновь получаемъ случай оцѣнить всю силу мысли основателя отвергнутаго нами воззрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если мы теперь спросимъ себя о взаимномъ соотношеніи различныхъ факторовъ исторіи, признавши ихъ уже всѣ одинаково психическими, то мы на этотъ вопросъ лучше всего можемъ отвѣтить схемою Маркса и въ особенности этимъ его удивительно удачнымъ выраженіемъ: *надстройка.*

Человѣческій духъ, по своей природѣ самостоятельный и активный, какъ бы подавленъ или пригнетенъ своими низшими животными потребностями; если человѣкъ не имѣетъ пищи или питья, одежды или жилища, то его психика получаетъ жалкій видъ, — она вся захватывается неустранимыми и все разрастающимися ощущеніями голода или жажды, страданія отъ холода, или отъ жара, или отъ иныхъ физическихъ невзгодъ, а вся ея активность сосредоточивается на одномъ стремленіи—во что бы то ни стало устранить эти тягостныя ощущенія. И даже когда неудовлетворенность этихъ насущныхъ потребностей имѣется вовсе не въ крайнихъ степеняхъ, а только въ формѣ извѣстнаго недостатка, неполнаго удовлетворенія, то и тогда давленіе этого факта на психику оказывается все-таки весьма значительнымъ. „Сытый голоднаго не разумѣетъ“ или „голодной кумѣ хлѣбъ на умѣ“ — вотъ какъ характеризуютъ это состояніе народныя пословицы. При

такомъ состояніи высшія стороны и потребности духа не имѣютъ возможности проявиться и развернуться,— наличной психикѣ впору справляться съ поддержаніемъ чисто животнаго существованія. Для того, чтобы могли развернуться высшія стороны духа, необходима извѣстная степень удовлетворенія низшихъ потребностей и извѣстный досугъ отъ дѣятельности по непосредственному ихъ удовлетворенію, и, сверхъ того, необходимо, чтобы и это удовлетвореніе, и этотъ досугъ получили характеръ совершенно правильнаго, а не спорадическаго явленія, чтобы удовлетвореніе и досугъ были надежно обезпечены и давали въ этомъ отношеніи психикѣ полную увѣренность и спокойствіе.

Ни одинъ животный видъ на землѣ не достигъ этого состоянія достаточнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченнаго, правильнаго и спокойнаго удовлетворенія своихъ настоятельныхъ, насущныхъ потребностей. Только одинъ человѣкъ — homo sapiens — если и не достигъ еще въ этомъ отношеніи всего, чего можно желать, то все же сталъ на вѣрную дорогу къ достиженію желаемаго. И это потому, что въ своемъ стремленіи къ удовлетворенію своихъ потребностей, въ своей *экономикѣ*, онъ сталъ на новую дорогу — общественнаго сотрудничества, коопераціи. Человѣкъ, можетъ быть, уже съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ человѣкомъ, удовлетворяетъ свои жизненныя потребности не въ одиночку, а сообща, группами, общественнымъ производствомъ и общественнымъ потребленіемъ. Если политическая экономія и говоритъ о *частныхъ* и *общественныхъ* хозяйствахъ, то это только въ извѣстномъ, условномъ смыслѣ, а въ сущности всякое человѣческое хозяйство—общественно, и только степень его общественности или обобществленія бываетъ различна. И вотъ, „общественность“ человѣческаго хозяйства повела къ двумъ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Во-первыхъ, она усилила производительность человѣческаго труда до такихъ размѣ-

ровъ, о какихъ труду одиночному невозможно было бы и мечтать. Большая производительность труда дала такую массу продуктовъ, которая уже въ гораздо большей степени стала обезпечивать человѣческія потребности. Въ области экономики, со временъ Адама Смита, мы уже говоримъ о „богатствѣ“ народовъ, и это совершенно справедливо, потому что въ распоряженіи человѣчества имѣются громадные запасы экономическихъ благъ и производительныхъ средствъ. Въ будущемъ это богатство должно еще сильнѣйшимъ образомъ возрасти, и въ связи съ этимъ передъ человѣчествомъ на мѣсто проблемы накопленія богатствъ все съ большей и большей силой выдвигается проблема справедливаго ихъ распредѣленія. Уже и теперь наиболѣе богатыя части человѣчества могли бы сказать: производство наше колоссально, и мы можемъ теперь нѣсколько отодвинуть въ сторону тѣ стимулы, которые ведутъ къ его увеличенію, и ослабить тѣ учрежденія, которыя поддерживаютъ и воспитываютъ эти стимулы; пора уже выдвинуть ближе къ авансценѣ тѣ стимулы, которые ведутъ къ болѣе справедливому распредѣленію и перестроить учрежденія такъ, чтобы они болѣе благопріятствовали и содѣйствовали этимъ стимуламъ. Не будь человѣчество еще въ такой большой степени во власти своего неразумія, и эта очередная задача болѣе справедливаго распредѣленія двигалась бы гораздо быстрѣе и успѣшнѣе къ своему надлежащему и благополучному разрѣшенію.

Вторымъ громаднымъ послѣдствіемъ „общественности“ человѣческаго хозяйства было образованіе государства и права въ ихъ нынѣшнемъ видѣ и съ ихъ нынѣшнимъ содержаніемъ. Разъ производство какой-либо человѣческой группы въ силу своей „общественности“ становилось успѣшнѣе, разъ во владѣніи этой группы начинало накопляться „богатство“, то этой группѣ надо было позаботиться и объ охранѣ своего

„богатства“ отъ другихъ человѣческихъ группъ, всегда готовыхъ поживиться на чужой счетъ. Отсюда необходимость военной организаціи и военныхъ учрежденій, которыя, какъ извѣстно, и послужили колыбелью современнаго государства. Но отсюда же и необходимость внутренняго гражданскаго порядка, потому что для успѣшности и разрастанія производства на ряду съ внѣшней защитой необходимо было обуздать и устранить хищническіе инстинкты внутри самой группы. Такъ и народилось государство, какъ внѣшній и внутренній союзъ защиты производства, а съ разрастаніемъ этого производства и съ возрастаніемъ его „обобществленія“ оно само стало разрастаться, пока не достигло нынѣшнихъ колоссальныхъ размѣровъ, дополняемыхъ для достиженія необходимаго производству всеобщаго мира не менѣе колоссальными союзами народовъ, скрѣпленными и не скрѣпленными формальными договорами. Что касается права, то, противополагая его государству, мы должны, конечно, разумѣть частное или, такъ называемое, гражданское право. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что по содержанію своихъ основныхъ институтовъ оно представляетъ также прямое приспособленіе общества къ удовлетворенію его экономическихъ потребностей. До тѣхъ поръ, пока на первомъ планѣ въ какомъ-либо обществѣ стоитъ проблема наибольшаго производства, а не справедливаго распредѣленія (а самая постановка послѣдней — замѣчу кстати—практически получаетъ смыслъ только тогда, когда производство уже достигло извѣстной степени успѣшности и обильной продуктивности), а также до тѣхъ поръ, пока трудовыя и дѣловыя качества членовъ общества не развиты и не закрѣплены въ надлежащей степени, основные институты гражданскаго права — частная собственность, свобода договора и дополняющая ихъ свобода завѣщанія — являются лучшими институтами и съ точки зрѣнія экономическихъ потреб-

ностей. Воплощая собою господство частной воли и частнаго интереса въ экономической сферѣ, они даютъ эгоистическій стимулъ къ безграничному расширенію производства и вмѣстѣ съ тѣмъ на той же эгоистической почвѣ вырабатываютъ и закрѣпляютъ трудовыя и дѣловыя качества людей, безъ которыхъ никакое экономическое благосостояніе совершенно невозможно. Возможно ли было бы достигнуть обоихъ этихъ важныхъ результатовъ — сильнаго производства и воспитанія трудовыхъ и дѣловыхъ качествъ людей — какой-либо иной системой и какой-либо иной школой, это вопросъ, за разрѣшеніе котораго мы здѣсь не беремся, но несомнѣнно, что исторически эти результаты достигаются дѣйствіемъ системы частнаго права съ его нынѣшними основами. Правда, въ возраженіе на это намъ могли бы сказать, что ни частная собственность, ни свобода договора, ни свобода завѣщаній нигдѣ не дѣйствуютъ въ совершенно чистомъ, неограниченномъ видѣ и что число и важность ихъ ограниченій постоянно возрастаютъ; но, не вдаваясь въ подробное обсужденіе этого въ высшей степени важнаго съ соціальной точки зрѣнія вопроса, мы позволимъ себѣ отклонить указанное возраженіе просто ссылкой на то, что эти ограниченія, постоянно возрастающія какъ въ своемъ объемѣ, такъ и въ своей важности, знаменуютъ собою именно движеніе впередъ проблемы болѣе справедливаго распредѣленія и выражаютъ постепенную эволюцію къ иному порядку и къ инымъ правовымъ основамъ въ области имущественныхъ отношеній.

Какъ видите, по отношенію къ праву и государству мы пришли къ выводамъ, очень близкимъ къ схемѣ Маркса, если только не облекать ее въ форму матеріалистическаго взгляда на исторію. Какъ и Марксъ, мы признаемъ, что государство и право образовались подъ непосредственнымъ давленіемъ экономическихъ потребностей человѣчества и что и ихъ нынѣшняя структура

продолжаетъ оставаться въ ближайшей отъ нихъ зависимости. Но мы только не можемъ вмѣстѣ съ Марксомъ сказать, что государство и право суть продукты экономическихъ отношеній и экономической структуры. Нѣтъ, и экономическая структура, и государство, и право суть всѣ продукты и притомъ *одинаковые* продукты человѣческой психики, одинаковые продукты ея длящагося усилія поддержать и обезпечить свое существованіе: въ сложной обстановкѣ совмѣстнаго существованія человѣческимъ единицамъ для выполненія этой основной задачи невозможно было остановиться на одной экономикѣ,—надо было дать ей прочную общественную основу, т.-е. дополнить ее правомъ и государствомъ. Въ этомъ смыслѣ мы не можемъ назвать права и государства, подобно Марксу, также и „надстройкой" надъ экономикой, — нѣтъ, экономика, право и государство составляютъ вмѣстѣ одну и ту же „постройку", предназначенную обезпечить человѣку удовлетвореніе его потребностей посредствомъ хозяйственной дѣятельности, принявшей общественную форму.

Однако есть у человѣчества и „надстройка". Эта „надстройка", такъ же какъ и „постройка", возводится все тѣмъ же строителемъ — человѣческимъ духомъ,— но смыслъ и назначеніе ея нѣсколько иные, чѣмъ „постройки". Мы уже сказали, что надъ человѣческимъ духомъ тяготѣютъ своего рода оковы—это условія его животнаго существованія и его низшія животныя потребности. Прежде всего человѣку приходится отдать дань и нерѣдко тяжелую дань этой животной сторонѣ своего существа; такой данью и является та „постройка", которую человѣчество въ потѣ и крови, соединенными усиліями, въ теченіе вѣковъ возводитъ въ видѣ своей экономики, государства и права. *Но не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ!* Человѣческій духъ вовсе не исчерпывается и не заканчивается своими живот-

ными потребностями. Онѣ гнетутъ его, онѣ тянутъ его внизъ, но онъ самъ стремится вверхъ, онъ хочетъ жизни высшей, надживотной, человѣческой, а, можетъ быть, по предчувствію Ницше, еще и *надъ-человѣческой.* И вотъ для этой высшей жизни надъ своей постройкой онъ возводитъ „надстройку", какъ бы „вышку" духа, куда можно, хотя бы на время, или отъ времени до времени, подняться, дабы уйти отъ будничныхъ заботъ земного существованія и на высотѣ этой вышки предаться созерцанію разстилающейся широкой картины міра, или пытливой мыслью стараться перешагнуть за ея видимые предѣлы, или спуститься въ глубину собственнаго духа, или дать полетъ фантазіи и творчеству, или открыть источникъ „свободныхъ", не пригнетенныхъ земной необходимостью поступковъ, — забыть о пользѣ и цѣлесообразности и ввѣриться свободному порыву! Въ этой надстройкѣ человѣчество созидаетъ и накопляетъ свои религіозныя вѣрованія, свои нравственныя представленія, свою науку, свое искусство и вообще всѣ высшія проявленія и завоеванія своего духа.

Такимъ образомъ и мы, подобно Марксу, говоримъ о „надстройкѣ" и даже, подобно ему, помѣщаемъ въ нее религію, науку, искусство, этику, — но какая разница, благодаря тому, что мы отвергли матеріализмъ и признаемъ творческимъ началомъ исторіи только живую! человѣческую психику—самоцѣльную и самоактивную У Маркса „надстройка" не имѣетъ никакого понятнаго смысла, она „торчитъ", если можно такъ выразиться, неизвѣстно къ чему, и, если ужъ признавать ее „продуктомъ" экономическихъ процессовъ, то надо признать какимъ-то безполезнымъ, „побочнымъ" продуктомъ, безъ котораго, почему-то, не можетъ идти „главное" производство — производство настоящихъ, *хозяйственныхъ* цѣнностей и благъ. По Марксу, вся эта „надстройка" есть, какъ бы результатъ несовершенства человѣческой природы, ведущаго къ тому, что человѣкъ не можетъ

постоянно и усердно заниматься своимъ главнымъ и существеннымъ дѣломъ, а все норовить отъ него въ сторону, тратитъ силы на ненужное и возводитъ эту „надстройку“, крадя время у своего хозяина — экономическаго фактора. Въ будущемъ это несовершенство и эта непослѣдовательность человѣческой дѣятельности должны быть, по прямому выводу изъ основныхъ посылокъ доктрины Маркса, собственно уничтожены, и все поле дѣйствія должно быть отведено безраздѣльно одному экономическому фактору; будущее государство, съ точки зрѣнія матеріалистическаго воззрѣнія на исторію, должно превратиться, по остроумному выраженію Антона Менгера *) просто въ „Mast - und Futterstaat“ (государство „откорма и нагула“, если позволено будетъ такъ выразиться) и этимъ достойно завершить работу экономическаго фактора! Правда, самъ Марксъ уклоняется отъ этихъ послѣднихъ и крайнихъ выводовъ изъ своей теоріи, однако, несомнѣнно, только путемъ пожертвованія логикой своихъ основныхъ посылокъ.

Совсѣмъ иное значеніе получаетъ „надстройка“ въ ученіи о психизмѣ, какъ основѣ человѣческой исторіи: она составляетъ здѣсь истинную *цѣль* и настоящій *смыслъ* человѣческаго существованія; ея созиданіе является здѣсь не побочнымъ, а главнымъ по своей цѣнности процессомъ; ея постепенное разрастаніе является законной и лучшей наградой за тѣ усилія, которыя приходится человѣчеству тратить на „постройку“, для того чтобы было возможно возвести надъ ней „надстройку“; работа въ „надстройкѣ“ служитъ достаточнымъ оправданіемъ для освобожденія отъ болѣе тяжелой и менѣе пріятной работы надъ „постройкой“ тѣхъ, кто, дѣйствительно, пользуется этимъ освобожденіемъ для указанной цѣли, а не для животнаго бла-

*) Въ его новѣйшемъ замѣчательномъ сочиненіи: „Neue Staatslehre“, Iena, 1903, S. 273.

женства въ „постройкѣ“; незаконно, съ этой точки зрѣнія, приглашать работниковъ надстройки (такъ называемую у насъ интеллигенцію) сверху внизъ — къ работамъ на „постройкѣ“, когда работниковъ въ „надстройкѣ“ еще такъ мало; правильно, съ этой точки зрѣнія, считать, что на работникахъ „надстройки“ лежитъ долгъ передъ работниками „постройки“ — долгъ пріобщить и ихъ къ высшимъ благамъ „надстройки“; идеаломъ будущаго, съ этой точки зрѣнія, представляется не государство ѣды и питья, а царство мысли, чувства и свободнаго человѣческаго дѣйствія, и притомъ уже не для нѣкоторыхъ только, а для всѣхъ, поскольку у каждаго будутъ вкусъ и охота къ высшимъ духовнымъ интересамъ *).

Здѣсь мы собственно можемъ и покончить съ ученіями Маркса и съ экономическимъ матеріализмомъ. Мы прошли черезъ центръ этихъ ученій, по пути мы отдали полную дань справедливости геніальному автору этихъ ученій, — мы даже воспользовались схемой и терминологіей, имъ предложенными, но мы отвергли его исходную посылку о томъ, что внѣшнее бытіе опредѣляетъ собою сознаніе, замѣнивъ ее прямо противуположной,—и та же схема, и тѣ же слова заговорили предъ нами совсѣмъ другимъ языкомъ. Доктрина Маркса, экономическій матеріализмъ теперь у насъ за спиной, а передъ нами, съ высоты „надстройки“ и правильно истолкованнаго ея значенія, разстилаются совсѣмъ иныя перспективы, раскрывается совсѣмъ иное воззрѣніе и на весь міръ, и на наши задачи въ немъ, и на прошлую человѣческую исторію, и на будущія человѣческія судьбы!

---

*) Не могу и здѣсь не привести прекрасныхъ словъ Антона Менгера: „Das Ideal des volksthümlichen Arbeitsstaates kann nun kein anderes sein als die Vollkommenheit des Denkens, Handelns und des Empfindens der breiten Volksmassen, ihre intellektuelle, sittliche und ästhetische Erziehung“, *ibid.*, S. 273.

II.

Какъ назвать это воззрѣніе, прямо противоположное марксистскому или матеріалистическому? Его называють и, мнѣ кажется, нѣтъ основаній возражать противъ этого названія—*идеалистическимъ*, это—идеализмъ въ противоположность матеріализму.

Моей задачей въ этой второй части нашей бесѣды должна явиться характеристика „идеализма“, какъ особаго цѣльнаго міровоззрѣнія, во многомъ несходнаго или даже противоположнаго многимъ изъ нынѣ распространенныхъ и донынѣ господствовавшихъ воззрѣній, коренящихся частію въ матеріалистическомъ объясненіи міра и человѣческой жизни, частію въ матеріалистической ихъ оцѣнкѣ. Задача трудная и сложная. Я очень хорошо сознаю, что выполнить ее въ цѣломъ объемѣ въ тѣсныхъ и отчасти своеобразныхъ рамкахъ публичной лекціи совершенно невозможно и потому заранѣе отказываюсь отъ всякихъ претензій на *полноту* изложенія. Очевидно, надо остановиться только на основной точкѣ зрѣнія и на нѣкоторыхъ выдающихся пунктахъ „идеализма“; не вдаваясь въ подробный рисунокъ, надо очертить главные контуры, чтобы, по крайней мѣрѣ, силуэтъ, если ужъ не вся фигура идеализма, по возможности, выпукло вырисовались предъ вашими глазами.

Итакъ, въ чемъ же основная точка зрѣнія, основной тезисъ идеализма?

Въ признаніи того, что и въ сферѣ познавательной, и въ сферѣ нравственной нашей единственной надежной точкой опоры является нашъ духъ, что только исходя изъ нашего духа, изъ его свойствъ и требованій мы можемъ найти, съ одной стороны, удовлетворительное и понятное намъ объясненіе міра, а съ другой стороны, устойчивое равновѣсіе и устойчивое движеніе для нашей дѣятельности въ мірѣ; словомъ, что

только положивши нашъ духъ въ основу и нашего теоретическаго, и нашего практическаго отношенія къ міру, къ человѣчеству и къ самимъ себѣ, мы можемъ достигнуть внутренней интеллектуальной и нравственной гармоніи. Гносеологически нашъ духъ долженъ быть признанъ принципомъ объясненія вещей, практически или морально онъ долженъ быть признанъ мѣриломъ оцѣнки вещей: вотъ основныя требованія идеализма, какъ цѣльнаго міросозерцанія, стремящагося удовлетворить и наши интеллектуальные, и наши нравственные запросы.

Идеализмъ устанавливаетъ суверенитетъ, верховенство духа; онъ переноситъ центръ тяжести изъ „постройки“ въ „надстройку“, изъ внѣшняго бытія во внутреннее сознаніе; онъ приглашаетъ насъ слѣдовать и повиноваться духу, какъ единственному началу, сколько-нибудь оріентирующему насъ въ томъ, что есть, и какъ единственному источнику надежныхъ для насъ указаній того, что должно быть и какъ мы должны дѣйствовать. Важно и необходимо для насъ, съ точки зрѣнія идеализма, лишь то, чего *требуетъ* нашъ духъ; все остальное имѣетъ только подчиненное и второстепенное значеніе. Нашъ духъ въ сферѣ познавательныхъ своихъ стремленій не довольствуется конечнымъ, лежащимъ въ предѣлахъ опыта,—значитъ, надо смѣло за нимъ слѣдовать въ область безконечнаго, надъ-опытнаго. Нашъ духъ въ сферѣ нравственныхъ своихъ стремленій не довольствуется ограниченнымъ, несовершеннымъ,—значитъ, надо смѣло за нимъ слѣдовать въ область совершеннаго, идеальнаго. Возраженіямъ тѣхъ, которые говорятъ, что человѣкъ не имѣетъ рессурсовъ ни для экскурсій въ область сверхъ-опытнаго, ни для экскурсій въ область идеальнаго, мы уже пробовали внимать, пробовали заглушать порывы нашего духа, пробовали замыкаться въ границахъ опытнаго и въ рамкахъ нравственно-ограниченнаго, но

это только ввергло насъ въ состояніе духовнаго голода, въ тоску духовной кастраціи. Да, сверхъ того, мы пришли къ выводу, что то сомнѣніе, которое эти возраженія выдвигаютъ противъ сверхъ-опытнаго и нравственно-идеальнаго съ неменьшимъ правомъ можетъ быть обращено и противъ даваемаго опытомъ, и противъ нравственно-ограниченнаго. Мы съ ужасомъ увидѣли, что эти возраженія противъ высшихъ стремленій духа отнимаютъ у насъ не кое-что, будто бы сравнительно не важное, а рѣшительно все, дѣлаютъ насъ духовными нищими, доводятъ насъ до полнаго пессимизма, послѣдовательный выходъ изъ котораго дается только самоубійствомъ, прекращеніемъ этой безсмысленной, обезцвѣченной и обезвкушенной жизни. Мы увидѣли, что этотъ, такъ называемый, положительный взглядъ на дѣйствительность отнимаетъ у насъ единственную для насъ надежную и для насъ цѣнную реальность—реальность нашего духа, его запросовъ и требованій, его радостей и печалей, его мукъ и его блаженства. Отсюда поворотъ къ духу, довѣріе къ его стремленіямъ, смѣлость въ ихъ преслѣдованіи, радость—процессомъ ихъ достиженія. Отсюда—идеализмъ.

Но если это такъ, то этимъ вполнѣ возстановляются (и здѣсь мы переходимъ отъ основного тезиса идеализма къ его частнымъ приложеніямъ)—права метафизики и религіи, въ значительной мѣрѣ попранныя во второй половинѣ XIX столѣтія. И метафизическое умозрѣніе и религіозное вѣрованіе соотвѣтствуютъ неустранимымъ запросамъ человѣческаго духа, которыми они и порождаются. Человѣческій духъ не довольствуется тѣсною сферою опыта: она для него слишкомъ узка и слишкомъ бѣдна содержаніемъ; онъ стремится мысленно переступить грань опытнаго, заглянуть за предѣлы ощущаемаго или, по крайней мѣрѣ, представить себѣ, что тамъ можетъ быть. Это—фактъ, положительнѣе котораго ничего нельзя себѣ представить.

И что же можно возразить противъ такой пытливости духа? Опытъ не даетъ ему *полной* и *цѣльной* картины міра, а онъ *хочетъ* ее имѣть; это его *внутреннее* требованіе—на какомъ же разумномъ основаніи мы запретимъ человѣческому духу, для достиженія имъ желаемаго, пользоваться крыльями умозрѣнія, которыя такъ же присущи его природѣ, какъ и самыя внѣшнія чувства? Вѣдь мы видимъ, что сама наука, эта прирожденная и вѣрная служительница опыта, несмотря на провозглашаемое ею профессіональное отрицаніе метафизики, неудержимо къ ней стремится и въ нее переходитъ, какъ только она даетъ полный просторъ своей пытливости. Физика, несмотря на недостатокъ опытнаго матеріала, построила свои атомы, свои центры силъ, свой невѣсомый эѳиръ. Химія говоритъ о „сродствѣ“ тѣлъ и о предполагаемомъ ею „строеніи“ матеріи, біологія дѣлаетъ вновь поворотъ къ признанію специфическаго жизненнаго начала,—словомъ, каждая наука, какъ только она приближается къ границамъ опыта, не только не даетъ отбоя назадъ, но съ величайшей страстью, можно сказать, напроломъ идетъ впередъ, и это потому, что и въ наукѣ работаетъ все тотъ же человѣческій духъ, у котораго стремленіе къ полнотѣ и цѣльности представленія *неистребимо* и который, кромѣ ногъ опыта, имѣетъ въ своемъ распоряженіи еще и крылья умозрѣнія. Такъ не препятствуйте же этой потребности человѣческаго духа находить свое удовлетвореніе, ибо она законна, потому что она существуетъ, какъ таковая, и потому что противъ существованія и дѣйствія ея нельзя привести никакого *внутренняго* возраженія. Можно возставать противъ той или иной метафизической системы, какъ можно возражать противъ той или иной научной теоріи, но не слѣдуетъ возставать или даже безполезно возставать противъ метафизики, потому что она превращаетъ для насъ обрывки видимаго и ощущаемаго въ цѣльную картину

міозданія, которую человѣческій духъ *спрашиваетъ* и безъ которой онъ чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ.

Еще болѣе законны и еще болѣе настоятельны религіозные запросы духа.

При сужденіи о нихъ мы чаще всего никакъ не можемъ отрѣшиться отъ мысли о традиціонномъ содержаніи существующихъ религіозныхъ системъ и, находя въ немъ тѣ или другіе недостатки, начинаемъ отрицательно относиться къ самой идеѣ религіи. Ничего не можетъ быть болѣе неправильнаго, и я сейчасъ постараюсь вамъ это показать, насколько это будетъ въ моихъ силахъ.

Въ отношеніи ко всему происходящему человѣческій духъ неудержимо совершаетъ два процесса: объясненіе и оцѣнку. Приходя въ соприкосновеніе съ различными явленіями міра, будетъ ли это физическое явленіе, или происшествіе въ мірѣ человѣческомъ, будетъ ли это чужой поступокъ, или наше собственное душевное движеніе, мы никогда не ограничиваемся и не довольствуемся тѣмъ, чтобы *уяснить* себѣ происходящее; нѣтъ, мы еще произносимъ надъ нимъ свой судъ, мы его одобряемъ или не одобряемъ съ той или иной точки зрѣнія,—словомъ, мы его *оцѣниваемъ*. Процессъ объясненія тѣсно связанъ съ интеллектуальной стороной нашего духа, процессъ оцѣнки—съ его нравственной природой. Первый мы пока оставимъ въ сторонѣ, на второмъ здѣсь остановимся.

Какъ мы только что сказали, мы одобряемъ или не одобряемъ происходящее съ различныхъ точекъ зрѣнія,—это значитъ, что *критеріи* нашей оцѣнки могутъ быть различны. Однако, этихъ критеріевъ, или основныхъ критеріевъ, собственно, немного. Польза, справедливость, красота, нравственное достоинство—вотъ кажется, они и всѣ. Два изъ нихъ, если можно такъ выразиться, имѣютъ жительство въ „постройкѣ“ и два—въ „надстройкѣ“. Польза и справедливость суть выс-

шіе принципы жизни въ „постройкѣ“, красота и нравственное достоинство—жизни въ „надстройкѣ“. Находясь и работая въ „постройкѣ“, мы стремимся къ полезному (принципъ экономики) и требуемъ справедливаго (принципъ государства и права); поднявшись же въ „надстройку“, мы наслаждаемся прекраснымъ (эстетическій принципъ) и жаждемъ нравственно-благороднаго или нравственно-возвышеннаго (нравственный принципъ). Первые два принципа служебнаго характера и потому они понятнѣе для ума и легче поддаются обоснованію и доказательству, вторые два ничему не служатъ, сами себѣ довлѣютъ и потому, въ извѣстномъ смыслѣ, непонятны и никакому доказательству не подлежатъ. Требуется ли, сверхъ полезнаго и справедливаго, еще и эстетически-прекрасное и нравственно-возвышенное, или не требуется,—это вопросъ, который совершенно не поддается разрѣшенію путемъ аргументаціи, а всякимъ рѣшается непосредственно, интуитивно, путемъ непосредственнаго „да“ или „нѣтъ“. Кто слѣпъ къ эстетически-прекрасному или глухъ къ нравственно-благородному, того нельзя сдѣлать зрячимъ и чуткимъ, также какъ „никого не вгонишь въ рай дубиной“, по мѣткому выраженію Алексѣя Толстого. Но кто хоть разъ обращалъ свой взоръ отъ земли къ небу, кто поднимался въ „надстройку“ и тамъ испытывалъ высшія переживанія духа, тому не надо никакихъ доказательствъ: онъ свободно и непосредственно приметъ необходимость для цѣны жизни прекраснаго эстетически и прекраснаго нравственно.

Итакъ, всему происходящему мы производимъ оцѣнку; въ результатѣ этой оцѣнки въ нашемъ сознаніи устанавливаются серіи „цѣнностей“.

Наиболѣе наглядна эта серія въ области экономики, здѣсь всякій полезный предметъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *цѣнность* (этому слову мы придаемъ здѣсь, конечно, нѣсколько болѣе широкій смыслъ, чѣмъ въ такъ на-

зываемой трудовой теоріи цѣнности,—это скорѣе цѣнность въ смыслѣ австрійскихъ и американскихъ экономистовъ). Довольно наглядна также серія цѣнностей и въ области справедливаго (государство и право); неприкосновенность личности, равенство всѣхъ передъ закономъ, безпристрастный судъ—вотъ нѣкоторыя изъ болѣе крупныхъ цѣнностей этой серіи; но эту же цѣнность можно найти въ самомъ мелочномъ постановленіи закона или обычая, разъ оно удовлетворяетъ критерію справедливости.

Менѣе наглядна уже серія цѣнностей въ области эстетически прекраснаго; эта серія заполняется частью тѣмъ, что соотвѣтствуетъ нашему чувству прекраснаго въ природѣ, но гораздо больше, и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше—произведеніями искусства.

Наконецъ, наименѣе наглядна серія цѣнностей въ области нравственно-прекраснаго и нравственно-благороднаго; этимъ критеріемъ мы оцѣниваемъ все то, что происходитъ въ душѣ человѣческой и въ нравственномъ сознаніи; несомнѣнна здѣсь и наличность критерія, и наличность „цѣнностей“, но и то, и другое весьма трудно поддается формулировкѣ и осязанію; формулировка и осязаніе являются какъ бы слишкомъ грубыми средствами для констатированія цѣнностей этого рода и онѣ яснѣе всего представляются непосредственному внутреннему чувству, тонкому и стыдливому, быстро прячущемуся отъ слишкомъ рѣзкаго къ нему прикосновенія.

Слѣдуетъ отмѣтить и еще одну сравнительную черту только что развернутыхъ нами серій цѣнностей. Цѣнности экономическія и цѣнности правовыя, конечно, далеко еще не исчерпаны и не закончены. Но мы не чувствуемъ никакого препятствія въ своемъ умѣ представить ихъ себѣ законченными и исчерпанными. Вмѣсто нынѣшнихъ экономическихъ благъ и приспособленій можно легко представить себѣ другія, еще

лучшія; вмѣсто нынѣшняго правового распорядка жизни можно также легко себѣ представить гораздо лучшій, но и въ томъ, и въ другомъ ряду цѣнностей намъ не только не претитъ идея конца, но она какъ бы сама собой напрашивается; ни тотъ, ни другой рядъ не представляются намъ уходящими въ безконечность.

Совсѣмъ другое приходится сказать о цѣнностяхъ эстетическихъ и нравственныхъ. Ни тѣ, ни другія не только не исчерпаны и не закончены, но и не могутъ быть нами представлены законченными и исчерпанными. И эстетически-прекрасное, и нравственно-совершенное уходитъ отъ нашего взора въ безконечность, и что бы мы ни представили себѣ въ этихъ рядахъ лучшаго или болѣе совершеннаго, сейчасъ же, на ряду съ этимъ, является неотстранимая мысль, что существуетъ или должно быть нѣчто, еще лучшее, еще болѣе совершенное, и душа рвется къ этому еще болѣе совершенному и она проситъ того, что было бы лучше всего, что только мы можемъ себѣ представить...

Этотъ несомнѣнный фактъ нашей душевной жизни можетъ быть описанъ еще и иначе: никогда мы не довольствуемся, въ области высшихъ запросовъ духа, тѣмъ, что у насъ есть уже цѣннаго, — нѣтъ, мы требуемъ еще большаго, мы требуемъ *идеала,* чтобы онъ, какъ маякъ, стоялъ впереди насъ въ безконечной дали и указывалъ намъ путь жизни. Безъ этого идеала, только съ тѣмъ, что у насъ есть уже въ рукахъ или что мы можемъ мысленно проектировать лишь въ ближайшее или даже отдаленное, но не безконечное будущее, мы не удовлетворены, мы просимъ большаго, мы тоскуемъ и плачемъ, какъ будто бы то, что въ нашихъ рукахъ, совсѣмъ не имѣетъ цѣны...

И вотъ идеалъ высшаго нравственнаго, а, можетъ быть, и эстетическаго совершенства, это требованіе, этотъ постулятъ нашего нравственнаго существа и есть

истинное содержаніе всякой религіи. Этотъ идеалъ, эта высшая цѣнность можетъ носить различныя названія и ей могутъ быть приписываемы различные аттрибуты: чаще всего ее называютъ Богомъ, когда ставятъ себѣ вопросъ о существованіи высшей цѣнности для всей вселенной и отвѣчаютъ на него утвердительно. Но, можно сказать, какъ это сдѣлалъ, напр., Ницше, что боги уже умерли и что высшей цѣнностью и идеаломъ для человѣка является *надъ-человѣкъ* (Uebermensch); можно называть эту высшую цѣнность безлично принципомъ Любви, какъ это дѣлаетъ Толстой, можно видѣть, наконецъ, эту высшую цѣнность собирательно въ цѣломъ человѣчествѣ, какъ это сдѣлалъ Ог. Контъ, провозгласивъ его Великимъ Существомъ (Grand Être de l'Humanité), а себя верховнымъ жрецомъ этого существа (Grand Prêtre de l'Humanité).

Но въ чемъ бы кто ни видѣлъ свою Высшую Цѣнность, а всякому здѣсь должна быть предоставлена полная свобода убѣжденія, и безумно было бы кому либо препятствовать въ этой свободѣ — если только эта цѣнность, дѣйствительно, идеальна, дѣйствительно превосходитъ своей цѣной все то, что у насъ есть цѣннаго и что мы можемъ представить себѣ цѣннаго,—то такого человѣка надо назвать имѣющимъ религію и религіознымъ. Наоборотъ, тѣхъ, которые, по выраженію Великаго Учителя, устами произносятъ: „Господи, Господи“, а сердце ихъ сполна занято какой-либо земной цѣнностью, тѣхъ нельзя назвать религіозными, какого бы Бога они ни поминали всуе.

Высшая цѣнность есть вмѣстѣ съ тѣмъ и высшая преданность, это—полная и несомнѣвающаяся готовность служить Высшему Благу и только ему одному, служить свободно, безъ всякихъ расчетовъ и безъ всякой оглядки,—служить потому, что не служить—значило бы добровольно отказаться отъ самаго цѣннаго въ жизни.

Позволяю себѣ надѣяться, что при такомъ истолкованіи религіознаго запроса и религіознаго отвѣта — а онъ мнѣ кажется единственно правильнымъ — очень многіе изъ васъ согласятся, что религія имѣетъ всѣ права на существованіе и что запросъ на религію есть высшій запросъ духа. По отношенію же къ тѣмъ, кто въ этомъ сомнѣвается, позволю себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе.

Тѣ, кто хотятъ возстановить права религіи, нерѣдко провозглашаютъ пресловутое „банкротство" науки (въ этомъ отчасти повиненъ и нашъ духовный колоссъ, защитникъ религіознаго запроса, гр. Л. Н. Толстой). Этимъ какъ бы косвенно утверждается, что для того, чтобы обратиться къ религіи, надо отвернуться отъ науки или что величіе религіи предполагаетъ ничтожество науки. Думаю, что такимъ образомъ совершается двойная ошибка. Во-первыхъ, никакого банкротства науки нѣтъ и въ поминѣ. Наука уже теперь неисчерпаемый богачъ и обѣщаетъ намъ въ будущемъ еще большія пріобрѣтенія. Но, конечно, самаго солиднаго богача можно сдѣлать банкротомъ, если начать предъявлять къ нему обязательства, которыхъ онъ вовсе не подписывалъ.

Однако правиленъ ли такой способъ взысканія? И не этимъ ли путемъ хотятъ провозгласить банкротство науки? Наука всецѣло опирается на опытъ; она истолковываетъ для насъ дѣйствительность въ терминахъ опыта и даетъ намъ неоцѣнимый, съ практической точки зрѣнія, результатъ—возможность предвидѣть событія; то, что мы знаемъ изъ опыта, или то, что мы успѣли истолковать въ терминахъ опыта, для насъ наиболѣе ясно; то, что успѣшно освѣщено наукой, есть какъ бы поле яснаго зрѣнія для нашего сознанія. Дѣятели науки съ величайшимъ усердіемъ стараются во всѣхъ направленіяхъ расширить это поле яснаго зрѣнія и они всюду дѣлаютъ крупные успѣхи. Но

развѣ ихъ вина или вина науки, если поле дѣйствительности безконечно обширнѣе поля нашего опыта, если, раздвигая усиліями науки сферу познаваемаго, мы, по выраженію Спенсера, только увеличиваемъ поверхность нашего соприкосновенія съ непознаваемымъ?

Однако затрудненіе здѣсь еще и не въ одномъ количествѣ или протяженіи дѣйствительности по сравненію съ полемъ нашего опыта. Нѣтъ, гораздо большее затрудненіе въ томъ, что мы не можемъ питать никакой увѣренности въ томъ, чтобы содержаніе нашего опыта, т.-е. то, какъ дѣйствительность намъ представляется, было *тожественно* съ самой дѣйствительностью. Со временъ Канта въ теоріи познанія твердо стоитъ тотъ принципъ, что мы познаемъ нашимъ опытомъ *явленія*, а не вещи въ самихъ себѣ. Но если все это такъ, то наука не можетъ намъ и обѣщать дать *полное* объясненіе дѣйствительности; при всемъ ея богатствѣ она на тѣ вопросы, которые идутъ дальше ея самой, отвѣчать не можетъ, потому что богатство ея совсѣмъ другого рода. Надо или не ставить этихъ вопросовъ, которые идутъ мимо науки, или искать на нихъ отвѣта не въ опытѣ, а въ умозрѣніи. А такъ какъ человѣческій духъ никогда не отказывался и, вѣроятно, никогда не откажется отъ *полнаго,* хотя бы чисто субъективнаго объясненія сущаго, то отсюда уже указанная нами законность и необходимость метафизики, нисколько не подрывающая состоятельности науки.

Это—отрицаніе банкротства науки съ точки зрѣнія правъ метафизики.

Но еще меньше можно говорить о банкротствѣ науки съ точки зрѣнія признанія правъ религіи. Собственно говоря, наука и религія не имѣютъ даже повода сталкиваться другъ съ другомъ: наука удовлетворяетъ нашей потребности въ объясненіи, религія—потребности въ оцѣнкѣ. Содержаніе религіи, какъ мы сказали, есть высшая цѣнность. Но эту высшую цѣнность, если она

только, дѣйствительно, таковая, приходится ставить, какъ идеалъ, приходится проектировать въ безконечность, куда уже не достигаетъ никакое наше объясненіе,—потому-то этотъ идеалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всякая религія, представляетъ для нашего сознанія нѣчто таинственное или, какъ говорятъ, мистическое. Возможно, что какая-либо религія поставитъ свой идеалъ, или какіе-либо его аттрибуты, на такомъ разстояніи отъ сознанія, что сознаніе потомъ достигаетъ этого предѣла и принципомъ объясненія разрушаетъ принципъ оцѣнки,—въ этомъ случаѣ получается столкновеніе науки съ религіей, непріятное для послѣдней, если она только претендуетъ не только указывать идеальныя цѣнности, но и объяснять. Но это столкновеніе нисколько не страшно для истинной сущности религіи, такъ же какъ истинная сущность религіи нисколько не страшна и не враждебна наукѣ, пока послѣдняя не впадаетъ въ заблужденіе, что ея средствами и методами можно создать не только объясненія, но и цѣнности, а тѣмъ болѣе высшія цѣнности.

Повторяемъ, когда наука и религія правильно размежеваны, тогда онѣ совсѣмъ не сталкиваются, — значитъ, тѣмъ меньше могутъ причинить банкротство другъ другу.

Мы старались показать, каковы послѣдніе и крайніе выводы идеализма, какъ ученія, приглашающаго насъ свободно и съ довѣріемъ слѣдовать за требованіями духа,—выводы, къ которымъ онъ стремится и до которыхъ его надо доводить. Резюмировать выше сказанное можно такъ: въ сферѣ интеллектуальной нашему сознанію данъ опытъ и раскрываемая имъ такъ называемая дѣйствительность или реальность, въ которой мы вращаемся и съ которою ближайшимъ образомъ имѣемъ дѣло; въ нашемъ сознаніи совершается также расцѣнка этой реальности или дѣйствительности прежде всего съ точки зрѣнія пользы („благо“ во внѣшней

природѣ) и справедливости („благо“ въ общественной средѣ). Въ этомъ кругу „реальности“ и „опыта“ и съ этими критеріями „пользы“ и „справедливости“ можно было бы „жить“ и даже жить „припѣваючи“, и кто бы такъ жилъ, того, пожалуй, не въ чемъ было бы и упрекнуть,—по выраженію Минскаго, онъ могъ бы быть „и честенъ, и сытъ, и ученъ“.

Однако всего этого благополучія человѣку мало. Кромѣ полезнаго и справедливаго, онъ хочетъ еще прекраснаго и нравственно-высокаго. Однѣ „практическія“ цѣнности его не удовлетворяютъ, и онъ хочетъ цѣнностей „идеальныхъ“. Да и цѣнности идеальныя имѣютъ свойство его удовлетворять только въ процессѣ ихъ достиженія, а какъ только онъ ихъ достигъ, онъ стремится еще дальше, еще къ большему. Его природа въ этомъ отношеніи ненасытна или, можетъ быть, божественна...

И вотъ идеализмъ признаетъ не только существованіе и неустранимость этого факта, этой „мятежности“ человѣческаго духа, который никогда не желаетъ успокоиться на уже достигнутомъ и вѣчно вновь и вновь поднимаетъ свой парусъ навстрѣчу бурямъ, „какъ будто въ буряхъ есть покой“; не только признаетъ законность этого факта, но и видитъ въ немъ самое истинное и самое глубокое выраженіе человѣческой природы,—полагаетъ, что этому вѣчно-ненасытному стремленію къ недостижимому идеалу надо слѣдовать, надо повиноваться, какъ лучшему указателю нашего жизненнаго пути. Мы должны развернуть нашъ парусъ къ идеалу, потому что только такое плаваніе даетъ намъ высшее удовлетвореніе и утоляетъ ту жажду, которая вновь возобновляется при всякомъ достигнутомъ результатѣ.

Когда мореплаватели достигнутъ сѣвернаго полюса, тогда онъ, навѣрное, потеряетъ всю свою высшую притягательность. Тогда къ нему будутъ ѣздить купцы и

промышленники на рыбную ловлю или для добычи какихъ-либо цѣнныхъ минераловъ, если они тамъ окажутся, но не будутъ ѣздить Нансены для удовлетворенія высшихъ запросовъ человѣческаго духа. Такъ и идеалъ долженъ быть недосягаемъ, чтобы сохранять и обнаруживать свою высшую притягательность. А если такъ, то и творчество идеаловъ есть высшій и необходимый процессъ; это же творчество въ области интеллектуальной достигаетъ своихъ послѣднихъ результатовъ въ метафизическомъ умозрѣніи, а въ области нравственной—въ религіозномъ вѣрованіи. Отсюда выводъ, что конечнымъ запросамъ нашего духа удовлетворяютъ—и только и могутъ удовлетворить—метафизика и религія.

III.

Но если таковы послѣдніе выводы идеализма, то каковы его „средніе“ и „промежуточные“ выводы, предшествующіе этимъ послѣднимъ? Конечно, человѣку, который достигъ самыхъ вершинъ идеализма, который имѣетъ цѣльное и полное міросозерцаніе и отыскалъ свою Высшую Цѣнность,—такому человѣку, какъ, напр., гр. Л. Н. Толстому, никакихъ „среднихъ“ или „промежуточнымъ“ указаній не нужно — его жизнь и образъ дѣйствій получатъ высшую устойчивость и полную опредѣленность прямого и непререкаемаго вывода изъ требованій высшаго идеала. Но что скажемъ мы, отъ имени идеализма, великому множеству „среднихъ“ людей, у которыхъ, какъ у большинства изъ насъ, ни интеллектуальный, ни нравственный запросы не достигаютъ такого напряженія, чтобы доводить ихъ до метафизики и религіи? Вѣдь и эти люди должны жить и дѣйствовать, должны рѣшать вопросъ „что дѣлать?“ на тысячу ладовъ и въ тысячахъ формъ. Какое же руководство дадимъ мы имъ и къ какимъ принципамъ

отошлемъ мы ихъ, чтобы и они могли признать себя правильно дѣйствующими и почувствовать себя удовлетворенными своимъ образомъ дѣйствій? Дадимъ ли мы имъ въ руки какія-либо внѣшнія готовыя правила поведенія или отошлемъ ихъ къ ихъ внутреннему критерію, къ ихъ внутреннему нравственному сознанію?

Отъ имени идеализма можно сдѣлать только послѣднее. На вопросъ, какъ поступать въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть только одинъ правильный отвѣтъ: какъ велитъ внутреннее нравственное сознаніе, какъ подсказываетъ совѣсть. Этотъ старый и какъ будто банальный отвѣтъ представляетъ собою самое лучшее и самое полное выраженіе идеализма въ приложеніи его къ области нравственности или, такъ называемаго, нравственнаго идеализма, на которомъ мы и хотимъ остановиться въ заключеніе нашей бесѣды.

Сначала вглядимся нѣсколько внимательнѣе въ самое содержаніе этого отвѣта. Мы отсылаемъ каждаго человѣка съ его нравственными запросами къ его собственному нравственному сознанію. Это не значитъ, чтобы на предъявляемые къ намъ нравственные запросы со стороны другихъ людей мы не должны были давать отвѣтовъ по существу, т.-е. по силѣ нашего собственнаго разумѣнія и сознанія. Наоборотъ, если кто-либо нравственно недоумѣваетъ, то надо помочь ему всѣми имѣющимися средствами: надо указать ему, какъ мы сами разрѣшили бы эту нравственную проблему, какъ ее разрѣшали другіе,—на помощь такимъ недоумѣніямъ всегда имѣются уже сложившіяся нравственныя воззрѣнія общества или какихъ-либо выдающихся людей. Но, предлагая такую нравственную помощь—чѣмъ она будетъ обильнѣе, тѣмъ лучше—мы должны всегда сами имѣть въ виду и настаивать передъ просящимъ нравственныхъ указаній на томъ, что послѣднее, *рѣшающее* слово принадлежитъ ему; что весь предложен-

ный ему нравственный матеріалъ имѣетъ характеръ совѣта и что онъ для него нисколько не обязателенъ до тѣхъ поръ, пока онъ не признаетъ его для себя таковымъ своимъ собственнымъ нравственнымъ сознаніемъ; что онъ въ этомъ случаѣ, какъ абсолютный монархъ, воленъ согласиться и съ мнѣніемъ большинства, и съ мнѣніемъ меньшинства, а также воленъ и ни съ кѣмъ не согласиться и постановить свое собственное рѣшеніе.

Такимъ образомъ эта отсылка каждаго въ нравственныхъ вопросахъ къ его собственному нравственному сознанію имѣетъ значеніе установленія нравственнаго суверенитета личности, ея полной нравственной независимости отъ какого бы то ни было внѣшняго авторитета,—и этотъ нравственный суверенитетъ личности есть основное положеніе нравственнаго идеализма.

Однако для правильнаго пониманія этого основного и важнѣйшаго положенія нравственнаго идеализма и для устраненія возможныхъ противъ него возраженій—надо имѣть въ виду, что нравственный суверенитетъ личности вовсе не есть только право или привиллегія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *обязанность*. Вѣдь мы не просто отсылаемъ личность къ самой себѣ,—не говоримъ, что она можетъ рѣшать нравственные вопросы, какъ ей вздумается,—нѣтъ, мы отсылаемъ ее къ ея *нравственному сознанію*, а это возлагаетъ на личность и обязанность, и отвѣтственность. Разъ личность, во всѣхъ нравственныхъ вопросахъ, должна обращаться къ своему собственному нравственному сознанію, какъ къ верховной рѣшающей инстанціи, то, слѣдовательно, она должна культивировать и поддерживать его въ себѣ, а не оставлять въ забросѣ; должна напрягать и заставлять его работать, а не предоставлять ему дремать или совсѣмъ спать; когда оно обнаружитъ склонность къ дремотѣ, должна будить его, а не усыплять еще искусственными средствами; наконецъ, не отворачиваться

отъ его указаній, не прибѣгать къ уловкамъ и обманамъ самого себя, чтобы ихъ отклонить, а честно, смѣло и открыто слѣдовать его велѣніямъ. Словомъ, личность *должна* настойчиво и дѣятельно *искать* отвѣта на нравственный вопросъ въ своемъ нравственномъ сознаніи, а нашедши, ему повиноваться. И если она, дѣйствительно, такъ поступила, то ея поступокъ будетъ нравственно безупреченъ и нравственно цѣненъ, каково бы ни было его конкретное содержаніе; наоборотъ, если бы личность исполняла самыя авторитетныя предписанія, но вопреки голосу своей совѣсти, то ея поступки будутъ лишены нравственной цѣны,—можетъ быть, съ какой-либо внѣшней точки зрѣнія, мы ихъ и одобримъ и имъ порадуемся, но внутренней, нравственной цѣны они все-таки имѣть не будутъ. Итакъ, повторяемъ, нравственная автономія, или нравственный суверенитетъ личности имѣетъ значеніе не только права, но и обязанности, и, можетъ быть, даже больше обязанности, чѣмъ права.

Но если это такъ, то очевидно, что, провозглашая, во имя идеализма, нравственный суверенитетъ личности, мы дѣлаемъ это не ради ея возможнаго произвола, а ради ея собственнаго внутренняго закона; не для того, чтобы этимъ суверенитетомъ оправдать все, что вздумается сдѣлать личности, а для того, чтобы подчинить ее такому нравственному руководству, котораго не слушать и которое обмануть личность не можетъ. Словомъ, мы провозглашаемъ нравственный суверенитетъ личности, потому что считаемъ внутреннее нравственное сознаніе *лучше* всякихъ внѣшнихъ руководствъ и думаемъ, что, слѣдуя своему внутреннему нравственному сознанію, личность повинуется руководителю, болѣе авторитетному, чѣмъ какой бы то ни было другой, ибо только онъ одинъ имѣетъ непосредственный и прямой доступъ *внутрь* личности, къ самому ея центру, можетъ непосредственно и съ наивысшей убѣдительностью

диктовать *волѣ* личности свои категорическіе императивы.

Однако и такимъ истолкованіемъ суверенитета личности все же не устраняются всѣ возможныя противъ него возраженія. Остается еще одно и, можетъ быть, самое важное изъ всѣхъ. Мы охотно соглашаемся—могутъ сказать намъ—съ тѣмъ, что суверенитетъ личности вовсе не обозначаетъ ея произвола, что онъ подчиняетъ личность закону, но вѣдь закону внутреннему, личному, *индивидуальному*, а не общественному! Вѣдь это признаніе нравственнаго суверенитета личности приводитъ насъ къ самому полному и самому крайнему *индивидуализму*, а можно ли его допустить и одобрить съ точки зрѣнія интересовъ *общественности?* Если бы люди жили въ одиночку и не нуждались другъ въ другѣ, то каждому изъ нихъ безъ опасенія можно было бы предоставить свободно и до конца слѣдовалъ *своему* внутреннему закону, но какъ на это согласиться, когда люди живутъ обществами, другъ съ другомъ соприкасаются, другъ въ другѣ нуждаются, другъ другу должны помогать? Пусть внутренній законъ каждаго изъ нихъ нравственно хорошъ, но не исключаютъ ли требованія общественной жизни самой допустимости своихъ отдѣльныхъ законовъ для каждой личности, и не должны ли мы въ виду этого на мѣсто этихъ многихъ индивидуальныхъ законовъ авторитетно поставить одинъ общій, общественный законъ, требуя отъ всѣхъ повиновенія ему, хотя бы и вопреки непосредственнымъ индивидуальнымъ законамъ каждаго? Повидимому, только одинъ этотъ выводъ и возможенъ въ условіяхъ и интересахъ общественности,—повидимому, здѣсь передъ нами такое *противорѣчіе*, котораго нельзя рѣшить въ пользу индивидуализма, а, слѣдовательно, и въ пользу суверенитета личности.

Да, это было бы такъ, если бы разрѣшеніе этого противорѣчія зависѣло исключительно отъ одной логики.

По этому поводу мнѣ невольно вспоминается извѣстное изреченіе: „легко примиряются идеи, но тяжко сталкиваются между собою факты“. Это изреченіе, можетъ быть, еще болѣе справедливо въ формѣ какъ разъ обратной: идеи, сами по себѣ, могутъ быть непримиримы, но какое удивительное примиреніе могутъ онѣ находить въ фактахъ! *Логически* индивидуальный законъ исключаетъ собою общественный, и законъ общественный исключаетъ собою законъ индивидуальный, но какое удивительное примиреніе этому противорѣчію даетъ дѣйствительный процессъ жизни, — то могучее и неустанное творчество, которое проникаетъ собою все сущее!—Индивидуализмъ и общественность,—какъ розно стоятъ они въ позиціи логической и какъ тѣсно соединены они въ процессѣ творчества, двигающаго собою человѣческую жизнь!

Человѣчество живетъ обществами и общественной жизнью. Для поддержанія общественной жизни, конечно, необходимо согласованіе дѣйствій тѣхъ, которые составляютъ общество — отдѣльныхъ индивидуумовъ. Но это согласованіе, какъ показываетъ наблюденіе, можетъ быть достигнуто двоякимъ путемъ: или такимъ внѣдреніемъ правилъ общественнаго поведенія въ психику индивидуумовъ, при которомъ индивидуальность *уничтожается* или, по крайней мѣрѣ, ставится въ тиски, ограничивается ради общественности. Это — пожертвованіе индивидуальностью въ пользу общественности. Или же правила общественнаго поведенія могутъ свободно отлагаться въ психикѣ самихъ индивидуумовъ, являясь ихъ „собственностью“ въ томъ смыслѣ, какъ это слово употребляетъ Максъ Штирнеръ. Въ этомъ случаѣ индивидуумы повинуются правиламъ общественнаго поведенія, потому что они хотятъ его, какъ „своего“, какъ соотвѣтствующаго ихъ собственнымъ желаніямъ. Это—гармоническое сочетаніе индидуальности съ общественностью, оставляющее полный

просторъ развитію первой и не вредящее послѣдней. Общества, основанныя на страхѣ и деспотизмѣ, суть такія, въ которыхъ правила поведенія введены въ психику индивидуумовъ *извнѣ*,—съ устраненіемъ произвольности и свободы индивидуальнаго дѣйствія. Это общества, въ которыхъ индивидуальность принесена въ жертву общественности. Но это только крайній типъ общественности, за которымъ слѣдуетъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней къ общественности противоположнаго типа. Человѣческая исторія и представляетъ собою арену этого движенія общественности отъ правилъ внѣшне-принудительныхъ къ правиламъ внутренне-свободнымъ, отъ правилъ, налагаемыхъ извнѣ и поддерживаемыхъ силою, къ правиламъ, принимаемымъ внутри и поддерживаемымъ индивидуальнымъ нравственнымъ сознаніемъ. Движеніе это совершается медленно, трудными усиліями, среди борьбы и столкновеній, но все же, несомнѣнно, совершается и дѣлаетъ успѣхи. Оно еще не завершилось, но—мы вѣримъ—оно завершится, ибо въ немъ, насколько мы можемъ судить объ этомъ, проявляются творческія намѣренія Мірового Начала, проникающаго собою все, происходящее въ мірѣ.

Итакъ, насколько мы можемъ обозрѣвать и уяснять себѣ ходъ человѣческой исторіи, она есть процессъ общественный, разсчитанный на общество и предназначенный для общества, но, несмотря на это, общественное развитіе идетъ не только безъ подавленія индивидуальности, но, наоборотъ, къ явному ея освобожденію и расцвѣту. И это потому, что индивидуальность избрана самымъ *органомъ* общественнаго развитія, потому что развитіе общественности происходитъ черезъ развитіе индивидуальности. Человѣческая личность—вотъ тотъ пунктъ, на которомъ непосредственно проявляется великое міровое творчество, двигающее человѣческую исторію. Личность творитъ, личность изобрѣ-

таетъ, личность хочетъ, личность чувствуетъ,—однимъ словомъ, личность заполняется извѣстнымъ внутреннимъ содержаніемъ, а въ послѣднемъ счетѣ все это оказывается нужнымъ для цѣлаго общества, обезпечивающимъ и двигающимъ общественное развитіе.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительномъ творческомъ процессѣ, двигающемъ собою человѣческую жизнь, нѣтъ противорѣчія между индивидуализмомъ и общественностью, нѣтъ антагонизма между закономъ индивидуальнымъ и закономъ общественнымъ. Отношеніе между личностью и обществомъ можно поэтому уподобить, напр., отношенію между отдѣльнымъ растеньицемъ, входящимъ въ составъ узорнаго цвѣтника, и цѣлымъ его узоромъ: каждое растеньице живетъ здѣсь для гармоніи цѣлаго, но оно живетъ въ то же время и своей собственной полной жизнью; индивидуальность здѣсь нисколько не подавлена, она пышно цвѣтетъ,—однако не только для себя, но и для высшаго цѣлаго, и это потому, что въ творческій планъ этого высшаго цѣлаго живая индивидуальность введена, какъ непосредственный строительный матеріалъ. Жизнь нашихъ современныхъ человѣческихъ общежитій, конечно, еще очень далека отъ полной внутренней гармоніи между индивидуальностью и общественностью. Общественность еще въ весьма значительной степени опирается на насиліе и принужденіе, сдавливая индивидуальность и ставя ея проявленіямъ внѣшнія препятствія и преграды. Это принужденіе входитъ еще весьма значительной дозой въ составъ современнаго государственнаго и правового механизма. И это—не только фактъ, но и фактъ, пока неустранимый.

Однако не только не слѣдуетъ этого факта возводить на степень главной и всегда неизмѣнной основы общественной жизни, но и вообще не слѣдуетъ его переоцѣнивать. Уже и теперь общественная жизнь зиждется въ гораздо большей степени на внутреннемъ

согласіи личностей свободно подчиняться требованіямъ общественности, чѣмъ на страхѣ передъ принужденіемъ и силою, какія общество можетъ примѣнить по отношенію къ личности. Уже и теперь правила поведенія, принудительныя по своему внѣшнему облику, какъ, напр., законы и велѣнія общественной власти, исполняются въ $^9/_{10}$ случаевъ по свободному побужденію гражданъ, а вовсе не потому, что ихъ въ концѣ-концовъ по отношенію къ сопротивляющимся осуществляютъ силою. Эта истина лучше всего даетъ о себѣ знать, когда какихъ-либо цѣлей въ общественной средѣ думаютъ достигнуть *исключительно* силою, рѣшаясь идти въ полный разрѣзъ съ стремленіями и желаніями индивидуумовъ, составляющихъ общество. Неудача такихъ плановъ неизбѣжна, гдѣ бы они ни замышлялись и какого бы содержанія они ни были.

Въ будущемъ увеличеніе гармоніи между индивидуальностью и общественностью несомнѣнно. Ручательствомъ за это служитъ вся прошлая исторія человѣчества. И если теперь индивидуальность рвется на волю, то это не для того, чтобы опрокинуть общественность, а для того, чтобы сдѣлать ее нравственно-свободной. Для развитаго нравственнаго сознанія повиновеніе за страхъ, а не за совѣсть, нравственно невыносимо, — отсюда его протестъ противъ рабскаго поведенія и требованіе свободнаго поступка. Но этотъ протестъ ни въ чемъ не грозитъ самой общественности, онъ не только ея не разрушитъ, но, наоборотъ, сдѣлаетъ болѣе прочной и устойчивой, преобразуетъ ее въ такую форму, при которой она будетъ крѣпка не принужденіемъ, а свободнымъ нравственнымъ согласіемъ. Поэтому защитникамъ общественности нечего бояться того взрыва индивидуализма, какой наблюдается въ настоящее время и который, несомнѣнно, будетъ разрастаться въ будущемъ. Этотъ индивидуализмъ — не противъ общественности, а за нее и за ея лучшія формы. Личность

вовсе не хочетъ выйти изъ общества и стать одиноко, а она хочетъ установить между собою и обществомъ связь внутреннюю, свободную, нравственную, чтобы можно было хотѣть общественнаго, какъ своего собственнаго, чтобы можно было стоять за него, какъ за свое. Это—идеалъ индивидуализма, но это вмѣстѣ съ тѣмъ и идеалъ общественности. Мы глубоко убѣждены, что къ этому *общему* и высшему нравственному идеалу движутся и индивидуумы, и общества. А если такъ, то никогда не бойтесь давать волю вашимъ нравственнымъ порывамъ и стремленіямъ, лишь бы вы сами цѣнили ихъ, какъ нѣчто высокое и достойное. Наоборотъ, бойтесь пуще огня замѣны вашего нравственнаго сознанія чьей-либо посторонней указкой. Въ этомъ будетъ погибель вашей личной внутренней силы и гармоніи, но въ этомъ же и погибель обществъ, если отказъ отъ собственнаго нравственнаго сознанія дѣлается въ нихъ общимъ правиломъ.

